

**ВОЕННАЯ ГЕОГРАФИЯ, ВОЕННАЯ СТАТИСТИКА И ЭТНОГРАФИЯ:
ПРОЦЕСС ОСМЫСЛЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ ДЛЯ ВОЕННЫХ
В НИКОЛАЕВСКОЙ АКАДЕМИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА
(1830–1840-Е ГГ.)**

Артём Юрьевич Перетятко

Кандидат исторических наук,
заведующий научной лабораторией,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет
Почтовый адрес: ул. Б. Садовая, 105/42,
Ростов-на-Дону, 344006, Россия
Электронный адрес: ArtPeretatko@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2779-2223

Аннотация

Существенная роль военных ведомств в практическом изучении народов Российской империи XIX в. является общепризнанной, однако до настоящего времени отсутствуют исследования, в которых бы рассматривался вопрос о том, существовали ли в военной среде какие-либо специфические теоретические представления об этнографии. В данной статье предпринята попытка понять, затрагивались ли этнографические сюжеты в рамках курса военной географии / военной статистики в Николаевской академии Генерального штаба в 1830–1840-е гг. Автор приходит к выводу, что данный курс в это время развивался не эволюционно, как принято считать в современной историографии, а революционно. Первые преподаватели военной географии в академии фактически преподавали стратегию (П. Я. Языков) и топографию (Г. Ф. Стефан), не рассматривая не только этнографические сюжеты, но и вообще большую часть тем, выходящих за рамки физической географии. Однако с 1845 г. Д. А. Милютин, преобразуя курс военной географии в курс военной статистики, не только ввел изучение отдельных этнографических сюжетов, но и теоретически осмыслил вопрос о том, как в рамках военной статистики следует изучать этнографию. Д. А. Милютин считал, что «народный дух» оказывает влияние на военную силу государства. В то же время он призывал ограничиться изучением только тех этнографических вопросов, которые оказывают долгосрочное и предсказуемое влияние на военную силу государства. В собственных военно-статистических описаниях Д. А. Милютин реализовывал этот подход через описание этнографических вопросов, не соответствующее принятому в гуманитарных науках дискурсу, но продуктивное и теоретически обоснованное. Вместо полноценного описания народов, проживающих на описываемой территории, Д. А. Милютин ставил ключевой для военных вопрос, связанный с этнической ситуацией, а затем отвечал на него. Таким образом, господствовавшая в Российской империи теория военной статистики Д. А. Милютина требовала описывать народы иначе, чем было принято у ученых-гуманитариев XIX в.

Ключевые слова

История этнографии, теория этнографии, военные науки, этнография Германии,
П. А. Языков, Д. А. Милютин

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического академического лидерства Южного федерального университета («Приоритет 2030»).

Статья поступила в редакцию 11 декабря 2025 г.

Статья доработана автором 26 апреля 2026 г.

Статья принята в печать 25 мая 2026 г.

Цитирование: *Перетятко А. Ю.* Военная география, военная статистика и этнография: процесс осмысления значения этнографии для военных в Николаевской академии Генерального штаба (1830–1840-е гг.) // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2026. Т. 21. № 1–2. С. 9–33. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2026.21.1-2.01>

MILITARY GEOGRAPHY, MILITARY STATISTICS AND ETHNOGRAPHY: THE PROCESS OF DEFINING THE MEANING OF ETHNOGRAPHY FOR THE MILITARY OF THE NICHOLAS GENERAL STAFF ACADEMY (1830s–1840s)

Artyom Yurievich Peretyatko

PhD, Head of the Research Laboratory,
Institute for Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
Postal address: 105/42 Bolshaya Sadovaya St.,
Rostov-on-Don, 344006, Russia
E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2779-2223

Abstract

The significant role of the military in the practical study of the peoples of the 19th century Russian Empire is commonly acknowledged. However, to this day there are no studies that consider the question whether there were any specific theoretical ideas about ethnography among the military. In this article we attempt to understand whether or not ethnographical topics were touched upon within the course of military geography/military statistics in the Nicholas General Staff Academy in the 1830s–1840s. The conclusion is that the aforementioned course's development at the time was not evolutionary, as is commonly believed in modern historiography, but revolutionary. The first teachers of military geography in the academy were, in fact, teaching strategy (P. A. Iazykov) and topography (G. F. Stefan). They not only did not review ethnographical topics, but also excluded most of the topics which were beyond the scope of physical geography. However, starting from 1845, D. A. Milyutin transformed the course of military geography into the course of military statistics. Besides introducing the study of certain ethnographical topics, he also theorized on how ethnography should be studied in relation to military statistics. He believed that “the spirit of the people” influenced the military power of the state, and thus ought to be studied in the scope of military statistics. At the same time, he urged limiting the studies to ethnographical topics that have long-term predictable influence on the state's military power. In his own military and statistical descriptions D. A. Milyutin implemented this approach through productive and theoretically established description of ethnographical questions, though not in line

with the one accepted in the humanities discourse. Instead of fully describing peoples living in a chosen territory, he first asked a question crucial for the military and related to ethnographic situation and then answered it. Thus, D. A. Milyutin's theory of military statistics, dominant in the Russian Empire, demanded a different approach to describing peoples than was common in the humanities in the 19th century.

Keywords

History of ethnography, theory of ethnography, military sciences, ethnography of Germany, P. A. Iazykov, D. A. Milyutin

Funding

The research was supported by the Strategic Academic Leadership Program of the Southern Federal University («Priority 2030»).

Received 11 December 2025

Revised 26 April 2026

Accepted 25 May 2026

For citation: Peretyatko, A. Yu., 2026. Military Geography, Military Statistics and Ethnography: the Process of Defining the Meaning of Ethnography for the Military of the Nicholas General Staff Academy (1830s–1840s). *Slavic World in the Third Millennium*, 21 (1–2), pp. 9–33. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2026.21.1-2.01>

В классической «Истории русской этнографии» С. А. Токарева неоднократно упоминается о роли военных статистиков в этнографическом изучении тех или иных территорий. Так, в контексте исследований Средней Азии отмечаются «поездки офицера генерального штаба И. Бларамберга»¹, а в контексте исследований Кавказа — исследования целого ряда «офицеров или гражданских чиновников»². Однако при этом, анализируя формирующиеся с середины XIX в. теоретические основания народоведения, С. А. Токарев, следуя заключениям советской этнографической науки, ограничивается взглядами «либерально буржуазного» (связанного с Русским географическим обществом) и «демократического» «направлений в русской этнографии»³. Вопросы о том, пытались ли военные в то время не только описывать народы, но и участвовать в выработке теории и методов этнологии, С. А. Токарев не ставил. За 60 лет, прошедших с момента издания «Истории русской этнографии», ситуация принципиальным образом не поменялась. Данной статьей мы бы хотели хотя бы частично заполнить эту лауну.

Офицерами Генерального штаба во второй трети XIX в. были подготовлены две серии масштабных очерков, описывающих российские губернии: «Военно-статистическое обозрение Российской империи» (1848–1858) и

¹ Токарев С. А. История русской этнографии. М.: Институт русской цивилизации, 2015. С. 311.

² Там же. С. 318.

³ Там же. С. 372.

«Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба» (1859–1868). В 1836 г. Николай I приказал «Генеральному Штабу составлять и через каждые три года поверять и исправлять Военно-статистические обозрения губерний и областей Российской Империи, для употребления собственно Военного Министерства, главных военных управлений и Генерального Штаба»⁴. Как считает И. И. Лейман, именно вследствие данного распоряжения императора и был реализован проект составления и издания «Военно-статистического обозрения Российской империи», включавшего описания 69 губерний (каждое в отдельной книге). Эти описания составлялись с 1837 г. по 1854 г., а издавались с 1848 г. по 1858 г. Они предназначались только для военных, и доступ к ним был ограничен⁵. С 1856 г., уже при Александре II, началась подготовка новой серии, получившей название «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба», причем теперь планировалось посвящать каждой губернии по два тома, один для широкой публики и один для специального пользования военных — и в своей рецензии на один из томов Н. Г. Чернышевский ожидал от новой серии, что она даст важный для изучения России материал⁶.

Уже первая из этих двух серий предполагала, что в каждом описании губернии должно быть уделено внимание ее жителям⁷. Поэтому авторы «Военно-статистического обозрения Российской империи» не могли не затрагивать те темы, которые представляли несомненный интерес для народоописательных исследований 1840–1850-х гг. И здесь мы сталкиваемся с любопытной ситуацией. С одной стороны, представления авторов серии «Военно-статистическое обозрение Российской империи» об этничности не всегда совпадали с представлениями на этот счет науки своего времени⁸. С другой стороны, некорректно было бы рассматривать российских военных в ряду авторов-любителей, описывавших жителей Российской империи, не имея специальной подготовки. Напротив, военная география

⁴ Лейман И. И. Военно-статистическое обозрение Российской империи как источник изучения состояния путей сообщения и торговли на Европейском Севере России в середине XIX в. // Историческая демография. 2018. № 2 (22). С. 71.

⁵ Лейман И. И. К вопросу об истории создания Военно-статистического обозрения Российской Империи // Жизнедеятельность человека на Севере: история, историография и источники исследования (на материалах Республики Коми): сб. статей / под ред. А. А. Попова. Сыктывкар: КРАГСиУ, 2019. С. 33–34.

⁶ Чернышевский Н. Г. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Рязанская губерния. Составил М. Баранович. СПб. 1860 г. // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений. В 15 т. Т. VII. Статьи и рецензии 1860–1861. М.: Гослитиздат, 1950. С. 491–503.

⁷ Лейман И. И. Военно-статистическое обозрение... С. 72.

⁸ Лескинэн М. В. Визуальные репрезентации русскости в Российской империи второй половины XIX — начала XX в.: в 2 кн. Кн. 1: Облики — обличья — облачения. М.: Кучково поле Музеон, 2024. С. 53.

преподавалась в Николаевской академии Генерального штаба* с самого момента ее основания в 1832 г.⁹

В ХХI в. вышло несколько интереснейших статей А. А. Михайлова, посвященных истории военной географии и военной статистики в России¹⁰. В них показано, что некоторые военные Российской империи де-факто разделяли общую географию и географию военную: в частности, П. А. Языков, первый преподаватель военной географии в Николаевской академии Генерального штаба, опирался в своем подходе на «военачальников, а не ученых-географов»¹¹. Следовательно, само по себе несоответствие методики географических описаний российских военных XIX в. сложившимся в гуманитарном научном дискурсе эпохи представлениям (теории, инструментарию, дефинициям) могло быть совершенно осознанным и объясняться ориентацией на другие цели и образцы. А. А. Михайлов достаточно подробно описывает эволюцию теоретических взглядов преподавателей Николаевской академии Генерального штаба в отношении военной статистики, однако не касается как раз интересующего нас вопроса о том, как в эти взгляды встраивалась этнографическая проблематика¹². Соответственно, следует попытаться найти ответ на этот вопрос.

Мы принципиально не станем касаться здесь двух сюжетов, которые потенциально интересны в контексте нашей статьи, однако не могут быть проанализированы в ее ограниченном объеме. Во-первых, мы не будем рассматривать вопрос определения понятий «география» и «статистика». Дело в том, что, как отмечал Д. А. Милютин, в науке середины XIX в. не было единого мнения на этот счет, и ситуация доходила до того, что одни ученые считали географию «ветвью или частью статистики», а другие — напротив, «смешивали статистику с так называемой политической географией»¹³. Учи-

* До 1855 г. данное учебное заведение именовалось Императорской военной академией, однако мы будем использовать то название, которое закрепилось в научной литературе.

⁹ Глиноецкий Н. П. Исторический очерк Николаевской академии генерального штаба. СПб.: Тип. Штаба войск Гвардии и Петерб. воен. окр., 1882. С. 59.

¹⁰ Михайлов А. А. Военная география и военная статистика в отечественной военной науке: историографический аспект // Военная география и военная статистика: история и современность / сост.: Н. Ю. Бринюк, Э. Л. Коршунов, А. А. Михайлов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. С. 9–50; Он же. «Честь первого опыта преподавания столь важной науки, без сомнения, принадлежит Императорской военной академии»: становление военной географии и военной статистики в России в первой половине XIX века // Военно-исторический журнал. 2019. № 11. С. 31–38; Он же. Военно-научные взгляды П. А. Языкова (1800–1869), его вклад в развитие военной географии и стратегии // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Девятой Международной научно-практической конференции. Ч. 2. / под ред. С. В. Ефимова. СПб.: ВИМАИВиВС, 2019. С. 113–124.

¹¹ Михайлов А. А. Военная география... С. 23.

¹² Там же. С. 11–41.

¹³ Милютин Д. А. Первые опыты военной статистики. Кн. 1. СПб.: Тип. военно-учебных заведений, 1847. С. 33.

тывая подобную неопределенность, остановимся лишь на том, как трактовали свой предмет конкретные профессора Николаевской академии Генерального штаба. Во-вторых, в нашу задачу не входит выяснение участия военных в разного рода географических исследованиях, не относившихся современниками к «военной географии» в строгом смысле. Дело в том, что в трудах российских военных географов и статистиков первой половины XIX в., как мы увидим ниже, подобные сюжеты не рассматриваются. А в 1885 г. профессор Николаевской академии Генерального штаба П. О. Щербов-Нефедович четко сформулировал, что оформление собственно военной географии как науки произошло только в начале XIX в., хотя географическими исследованиями военные занимались и ранее¹⁴. Соответственно, под военной географией в Николаевской академии Генерального штаба понимали не просто участие военных в географических исследованиях, но некую особую область науки, которую мы и планируем детализировать в данной статье.

Кроме того, обратим внимание на представляющийся нам важным историографический сюжет. Современными российскими авторами, специально исследующими научную деятельность Николаевской академии Генерального штаба в XIX в., обычно даются высокие ее оценки, некоторые из которых мы приведем ниже. Напротив, иностранные исследователи, как правило, менее подробно изучающие детали деятельности академии (исключение тут составляет монография К. ван Дюка «Russian Imperial Military Doctrine and Education, 1832–1914»¹⁵), дают ей более критическую оценку. Так, Дж. Стейнберг оценивает Николаевскую академию Генерального штаба эпохи Николая I как «научное святилище», где академические занятия и плац-парадные репетиции-преобладали над полевыми упражнениями, введенными только в 1860-е гг., когда военным министром стал Д. А. Милютин¹⁶. Общий вывод Дж. Стейнберга неутешителен: по его оценке, вплоть до русско-турецкой войны 1877–1878 гг. офицеров, окончивших Николаевскую академию Генерального штаба, на практике рассматривали в качестве своеобразных «полковых чиновников», и действительно в их подготовке акцент делался на «управление войсками», а не на «командование ими на поле боя»¹⁷. Таким образом, фактически, Дж. Стейнберг, не критикуя военно-научных наработок отдельных преподавателей академии, полагает, что в целом их деятельность хотя и была ограниченно полезной, но оказывалась недостаточно привязанной к практике.

¹⁴ Михайлов А. А. Военная география... С. 35.

¹⁵ Van Dyke C. Russian Imperial Military Doctrine and Education, 1832–1914. Westport: CT, 1990.

¹⁶ Стейнберг Дж. Военные традиции и армейская реформа (1856–1904): неудачная попытка спасти Российскую империю // Величие и язвы Российской империи: Международная научная сборник к 50-летию О. Р. Айрапетова / сост. В. Б. Каширин. М.: Издательский дом «Регнум», 2012. С. 213.

¹⁷ Стейнберг Дж. Военные традиции и армейская реформа (1856–1904)... С. 213–214.

Поэтому нам представляется уместным сделать в своей небольшой статье акцент на том, как практически читались лекции в Николаевской академии Генерального штаба, и, в первую очередь, на анализе методических трудов по военной географии и статистике. Безусловно, дальнейшее вовлечение в оборот архивных материалов о деятельности Николаевской академии Генерального штаба является само по себе важной и полезной задачей. Однако в данной статье мы попытаемся понять именно публичный и общепринятый дискурс военной географии и статистики в Российской империи 1830–1840-х гг., т. е. в период, предшествовавший созданию военными масштабных книжных серий, описывающих губернии империи. Получили ли авторы этих серий реальную этнографическую подготовку, пускай и не соответствующую сложившейся в гуманитарном научном дискурсе, или курсы военной географии и статистики в Николаевской академии Генерального штаба в этом вопросе тоже не были привязаны к практике и игнорировали такой важный элемент географии, как разделение населения по народам?

Прежде всего обратимся к описанию преподавания курса военной статистики в 1830–1840-е гг. в классическом труде Н. П. Глиноецкого «Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба» (1882).

Согласно ему, в 1830-е гг. учебные предметы «военная география» и «военная статистика» не были разработаны не только в России, но и в Западной Европе (про военную статистику вообще сообщалось, что о ней «в западно-европейских высших военно-учебных заведениях не было и помину»¹⁸). В результате, согласно Н. П. Глиноецкому, в Николаевской академии Генерального штаба «курс военной статистики выработался вполне самостоятельно, без всякого подражания Западной Европе»¹⁹. Не упоминает Н. П. Глиноецкий и какого-либо использования в создании программы курса работ гражданских авторов.

Фактически за этим общим описанием скрывается крайне неблагоприятная ситуация в преподавании военной географии и военной статистики на начальном этапе существования Николаевской академии — преподавание военной статистики, согласно Н. П. Глиноецкому, вообще было отложено до «более благоприятного времени»²⁰. Поэтому, хотя первоначально предполагалось выделить на изучение военной географии и военной статистики 4 лекции в неделю в течение 1 года, де-факто после открытия академии изучалась только военная география, на которую отводилось только 2 лекции в неделю в течение 1 года²¹. С 1834 г. курс был несколько расширен, до 2-х лекций в неделю в младшем классе и 1-й лекции в неделю в старшем²².

¹⁸ Глиноецкий Н. П. Исторический очерк... С. 59.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 59–60.

Первым значимым преподавателем военной географии был упомянутый выше майор П. А. Языков²³. Военно-теоретическим взглядам этого офицера (впоследствии генерал-лейтенанта) посвящена недавно вышедшая статья А. А. Михайлова, основанная на богатом архивном материале²⁴. Из нее следует, что П. А. Языков окончил Институт корпуса инженеров путей сообщения, в 1820-е гг. помогал А. Жомини в подготовке к публикации избранных мест из трактата «Наука о больших военных действиях», а в начале 1830-х гг. преподавал в Институте корпуса инженеров путей сообщения «малую и высшую тактику и стратегию, полевую и долговременную фортификацию»²⁵. За исключением периода преподавания в Николаевской академии Генерального штаба, П. А. Языков специально военной географией не занимался, однако в 1840-х гг., уже будучи инспектором классов в Институте корпуса инженеров путей сообщения, подготовил масштабный труд «Опыт теории стратегии», в котором увязывал военную географию со стратегией, в частности, утверждая, что «топографический элемент имеет влияние исключительно на одни тактические действия; тогда как элемент географический преимущественно имеет влияния на действия стратегические»²⁶. Таким образом, П. А. Языков был не столько военным географом, сколько теоретиком-стратегом, которого география интересовала преимущественно в контексте ее влияния на стратегию и тактику.

Подобный подход, очевидно, оказал фундаментальное влияние и на преподавание им военной географии. А. А. Михайлов приводит отрывки из архивных рукописей П. А. Языкова, из которых следует, что тот считал возможным два способа преподавания военной географии: описательный (когда географические объекты выступают «как данности, необходимые для соображений военных») и стратегический (в рамках которого следует «рассматривать военную географию с высшей точки зрения и в смысле совершенно стратегическом») ²⁷. Сам он был сторонником второго способа, однако полагал, что этот подход может оказаться сложен для слушателей Николаевской академии Генерального штаба, и поэтому предлагал совмещать в своем преподавании оба способа²⁸. Согласно Н. П. Глиноецкому, в своих лекциях П. А. Языков действительно делил описание каждой страны на «описательную» и «исследовательскую» части, причем первую пытался по возможности сокращать²⁹.

П. А. Языков также подготовил учебник «Опыт теории военной географии, с приложением к избранию пунктов, для сооружения крепостей

²³ Глиноецкий Н. П. Исторический очерк... С. 59.

²⁴ Михайлов А. А. Военно-научные взгляды П. А. Языкова... С. 113–124.

²⁵ Там же. С. 113–114.

²⁶ Там же. С. 121–122.

²⁷ Там же. С. 116.

²⁸ Там же. С. 116.

²⁹ Глиноецкий Н. П. Исторический очерк... С. 60.

предназначаемых» (1838). Уже во вводной части к этому труду П. А. Языков крайне критически оценивал существующую военную географию (прежде всего работы К. Л. Ганцгога и К. А. Мальхуса), противопоставляя ей явно более предпочтительные с его точки зрения наработки А. Жомини³⁰. П. А. Языков прямо писал о том, что принятое в Европе преподавание военной географии делает ее «повторением и расширением понятий о географии физической», что его не устраивало³¹.

В противоположность этому он пытался представить военную географию как «отрасль стратегии», причем подчеркивая новаторство такого подхода и заявляя, что «мы — русские» не должны «повторять только то, что сказано писателями иностранными»³². В результате П. А. Языков давал такое определение военной географии: «Военная география есть исследование *земной поверхности* в отношении стратегическом в настоящую эпоху (курсив наш — А. П.)»³³. Поэтому предсказуемо, что учебник П. А. Языкова посвящен почти исключительно физической географии и ее влиянию на военные действия. Вопросы же не только народонаселения, но и военной статистики в принципе в нем полноценно не рассматривались.

Мы воздержимся от общей оценки теории военной географии П. А. Языкова и его учебника по этому предмету. Только укажем, что, согласно Н. П. Глиноецкому, учебник «не имел успеха» в Николаевской академии Генерального штаба³⁴. Впрочем, А. А. Михайлов рассматривает этот учебник как значимый для российской военной науки³⁵.

Какое-то время преподавателем военной географии в Николаевской академии Генерального штаба совместно с П. А. Языковым был капитан Ф. Ф. Мец³⁶. А. А. Михайлов обнаружил в архивных материалах информацию о любопытном случае, произошедшем с этим офицером. В 1834 г. подготовленные Ф. Ф. Мецем материалы по военной географии Швеции и Норвегии были переданы на прочтение некоему «шведскому уроженцу» (никакой более конкретной информации о нем А. А. Михайлов, к сожалению, не приводит)³⁷. По итогам этого прочтения директор академии, И. О. Сухозанет потребовал от Ф. Ф. Меца впредь пользоваться при составлении описаний «советами тех, кои имели случай жить в странах, описание которых Вам поручается Вашим начальством»³⁸. Ф. Ф. Мец,

³⁰ Языков П. А. Опыт теории военной географии, с приложением к избранию пунктов, для сооружения крепостей предназначенных. Ч. 1. Изложение теории. СПб.: Типография А. Воейкова и К°, 1838. С. I–II.

³¹ Там же. С. V.

³² Там же. С. IX–X.

³³ Там же. С. 56.

³⁴ Глиноецкий Н. П. Исторический очерк... С. 60.

³⁵ Михайлов А. А. Военно-научные взгляды П. А. Языкова... С. 120.

³⁶ Глиноецкий Н. П. Исторический очерк... С. 59.

³⁷ Михайлов А. А. «Честь первого опыта...» С. 34.

³⁸ Там же.

однако, высказал несогласие с таким заключением, причем А. А. Михайлов считает, что данная дискуссия была вызвана осознанным нежеланием офицера использовать недостаточно надежные источники³⁹. Так или иначе, в том же 1834 г. из-за конфликта с И. О. Сухозанетом Ф. Ф. Мец покинул Академию⁴⁰.

Его заменил Г. Ф. Стефан (позднее генерал-лейтенант и начальник Николаевской академии Генерального штаба)⁴¹. В его случае мы сталкиваемся с любопытным феноменом. А. А. Михайлов, опираясь на изученные им архивные материалы, представляет Стефана единомышленником П. А. Языкова. Например, в одной из записок начальству Г. Ф. Стефан так определял военную географию: «Военная география (военное землеописание) должна знакомить нас с свойствами тех предметов *земной поверхности*, которые, находясь в пространстве театра войны, всегда будут иметь влияние на стратегические соображения военного предприятия (курсив наш — А. П.)»⁴². Таким образом, Г. Ф. Стефан, подобно П. А. Языкову, соотносил военную географию со стратегией и уделял основное внимание физической географии. Однако из текста Н. П. Глиноецкого следует, что лекции Г. Ф. Стефана и П. А. Языкова отличались принципиально. У Г. Ф. Стефана в лекциях преобладал «описательный элемент», вплоть до мелкой топографии⁴³. Для нас важна другая цитата из рукописных материалов Г. Ф. Стефана, приводимая Михайловым: «Так как природа неизменна, то и зависящие от оной военные действия непременно повторяются»⁴⁴. Таким образом, судя по всему, Г. Ф. Стефан считал важнейшей составляющей военной географии не некие общие представления о влиянии географии на стратегию, а знание физической географии конкретных театров военных действий, детерминирующей, по его мнению, характер действий воюющих там армий.

Только в 1842 г. Стефан вводит в читаемую им часть курса военной географии элементы военной статистики, а в 1843 г., с уходом из Академии П. А. Языкова, военная статистика стала преподаваться для всех изучаемых государств⁴⁵. Однако в 1844 г. и сам Стефан отказался от преподавания, и военную географию с января 1845 г. было поручено читать Д. А. Милютину⁴⁶.

И здесь представляется уместным прежде всего обратиться не к оценкам позднейших авторов, а к первоисточнику – «Первым опытам военной статистики» Д. А. Милютин. Дело в том, что начальная часть этой работы содержит крайне подробный и профессиональный очерк актуального

³⁹ Михайлов А. А. «Честь первого опыта...» С. 34.

⁴⁰ Глиноецкий Н. П. Исторический очерк... С. 59.

⁴¹ Там же. С. 59–60.

⁴² Михайлов А. А. «Честь первого опыта...» С. 35.

⁴³ Глиноецкий Н. П. Исторический очерк... С. 60–61.

⁴⁴ Михайлов А. А. «Честь первого опыта...» С. 35.

⁴⁵ Глиноецкий Н. П. Исторический очерк... С. 61.

⁴⁶ Там же. С. 62; Михайлов А. А. «Честь первого опыта...» С. 36.

в 1840-е гг. положения дел в военной географии и мысли на этот счет самого Д. А. Милютин.

Если П. А. Языков полемизировал с некими общепринятыми представлениями о военной географии, то Д. А. Милютин подчеркивал, что никакого общепринятого представления об этой науке просто не существует и сочинения о ней крайне различаются «по содержанию и системе»⁴⁷. Он отвечал и на вопрос о причинах этого, указывая, что военная география, как и ряд других наук, находится в процессе становления (дословно «только в зародыше»⁴⁸). Тем не менее, по мнению Д. А. Милютина, большую часть существующих изданий по военной географии можно было разделить на две группы: «подробные топографические описания стран» и «сборники сведений, извлеченные из общей географии»⁴⁹.

Первую группу этих работ Милютин прямо и недвусмысленно называл «бесполезной»⁵⁰. Более того, развернутая их критика фактически представляла собой критику тех положений военной географии, которую мы видели у Стефана. Д. А. Милютин признавал, что данные о местности нужны для ведения военных действий, однако резонно указывал, что, во-первых, физически невозможно заранее выучить мелкие детали географии театра военных действий, а во-вторых, как раз мелкие детали ландшафта прежде всего и меняются со временем⁵¹. Принципиально не согласен Д. А. Милютин был и с тем, что география детерминирует ход военных действий, указывая на этот счет следующее: «Один и тот же местный предмет может иметь совершенно противоположное значение в двух разных случаях, смотря по связи обстоятельств, разнообразной до бесконечности»⁵².

Как мы помним, П. А. Языков, критикуя некие общепринятые представления о военной географии, указывал в качестве их носителей К. Л. Ганцого и К. А. Мальхуса. Милютин отнес сочинения этих авторов ко второй выделяемой им группе работ по военной географии⁵³. В отличие от Языкова, Милютин называл их труды «самыми полезными», оговариваясь при этом, что в них военная география действительно оказывается не некоей особой наукой, но «сборником фактов, извлеченным из общих географических сочинений, предназначенных собственно для справок военным читателям»⁵⁴. Однако Милютин как раз считал подобный подход к военной географии вполне допустимым. Он задавался риторическим вопросом: «неужели курс каждой науки, написанный специально для читателей военных, должен со-

⁴⁷ Милютин Д. А. Первые опыты... Кн. 1. С. 4–5.

⁴⁸ Там же. С. 5.

⁴⁹ Там же. С. 6.

⁵⁰ Там же. С. 7.

⁵¹ Там же. С. 7–8.

⁵² Там же. С. 8.

⁵³ Там же. С. 9–10.

⁵⁴ Там же. С. 13.

ставлять отдельную отрасль военных наук?» — и отвечал, что военная география может быть вообще не отдельной наукой, но только «учебником, примененным к военным школам» или даже «сборником для справок»⁵⁵.

В то же время Милютин признавал, что целый ряд авторов пытались интерпретировать военную географию как совершенно особую дисциплину. Мы не будем подробно останавливаться на его критике (почти всегда не только аргументированной, но и остроумной) каждого из этих авторов. Важнее то, что он крайне подробно и критически разбирал взгляды П. А. Языкова. Прежде всего Милютин отмечал то, о чем уже говорилось выше: для Языкова военная география являлась частью стратегии, а не географии, и поэтому его «Опыт теории военной географии» имел к географии в любом ее понимании только косвенное отношение, фактически являясь трудом по теории стратегии⁵⁶. Далее Д. А. Милютин обращался к творчеству тех авторов, которых П. А. Языков указывал как своих предшественников в понимании военной географии, в частности, эрцгерцога Карла* и Наполеона⁵⁷. Наиболее показателен разбор Милютиным сочинений первого. Милютин признавал, что анализ эрцгерцогом Карлом театра военных действий в «Истории похода 1799 г.» действительно может быть признан образцовым, однако указывал, что этот разбор был сделан для совершенно конкретного периода времени и это описание не будет актуально в случае новой войны в том же регионе⁵⁸. Кроме того, сама военная теория Карла рассматривалась Д. А. Милютиным как устаревшая и односторонняя, поскольку учитывала только «географические данные и охранение коммуникационных линий»⁵⁹. Милютин же считал, что на ход боевых действий влияет и множество других факторов, в частности политических и статистических⁶⁰. Резюмируя все попытки представить военную географию особой наукой, Д. А. Милютин делал вывод, что ни одна подобная попытка не была успешной, но при этом уже существуют образцовые описания конкретного театра военных действий для конкретной эпохи⁶¹.

Здесь хотелось бы обратить особое внимание на один сюжет. В литературе о российской военной географии и статистике обычно господствует представление о ее эволюционном развитии в первой половине XIX в.

⁵⁵ Милютин Д. А. Первые опыты... Кн. 1. С. 13.

⁵⁶ Там же. С. 21–24.

* Эрцгерцог Карл Людвиг Иоанн Йозеф Лаврентиус Австрийский, герцог Тешинский (1771–1847) — крупный полководец, военный теоретик первой четверти XIX в., реформатор австрийской армии, победивший Наполеона в сражении под Асперном.

⁵⁷ Милютин Д. А. Первые опыты... Кн. 1. С. 24–29.

⁵⁸ Там же. С. 26–27.

⁵⁹ Там же. С. 25.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. С. 30.

Собственно, еще Н. П. Глиноецкий писал о том, что Д. А. Милютин в своем преподавании «пользовался подготовкой, сделанной его предместником»⁶². А. А. Михайлов, описывая деятельность Милютина в Николаевской академии Генерального штаба, использует формулировку «улучшил курс военной географии»⁶³. А К. В. Белов отмечал, что еще до Милютина в Российской империи военную статистику уже «рассматривали как информацию о вооруженных силах и средствах ведущих держав в мире» и Д. А. Милютин внес свой вклад в ее изучение в этом значении⁶⁴. Но, как мы видим, уместнее было бы говорить не о эволюционном, но о революционном пути развития российской военной географии и статистики в первой половине XIX в. С точки зрения Милютина, то содержание военной географии, которую преподавал П. А. Языков, вообще не имело отношения к географии, являясь частью стратегии, точнее стратегической теорией, абсолютизирующей, вслед за эрцгерцогом Карлом, фактор физической географии в стратегии в ущерб прочим. То, что преподавал Г. Ф. Стефан, было военной географией, но самой «бесполезной», в интерпретации Д. А. Милютина, ее формой, требующей бессмысленного заучивания множества мелких топографических подробностей. Зато Милютин выше всего ценил как раз тех европейских авторов трудов по военной географии, которых критиковал П. А. Языков, — авторов, считавших военную географию не особой наукой, но только вспомогательной дисциплиной, адаптированной для военного образования формой обучения, призванной давать комплекс сведений по общей географии.

За сложившееся в исторической литературе положение дел в некотором смысле оказывается ответственен сам Д. А. Милютин. Позднее, в своих воспоминаниях, он недвусмысленно утверждал, что уже летом 1845 г. пришел к выводу, что преподавание военной географии в Николаевской академии Генерального штаба ведется в «безобразном виде» и нуждается в «совершенном преобразовании»⁶⁵. Однако, являясь, на наш взгляд, не только выдающимся военным ученым, но и достаточно хитрым человеком, Д. А. Милютин признавал в мемуарах, что не решился открыто говорить о том, что планирует столь масштабные изменения курса военной географии, и замаскировал свои действия «под скромный вид исправления служивших учебным пособием литографических записок»⁶⁶. Таким образом, Д. А. Милютин действительно формально использовал наработки своих предшественников — однако, по его собственному признанию, сделанному

⁶² Глиноецкий Н. П. Исторический очерк... С. 62.

⁶³ Михайлов А. А. «Честь первого опыта...» С. 36.

⁶⁴ Белов К. В. Дмитрий Алексеевич Милютин — один из основателей российской военной статистики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24. Вып. 2. С. 153.

⁶⁵ Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1843–1856. М.: Редакция альманаха «Российский архив», 2000. С. 104.

⁶⁶ Там же.

много позже, исключительно для того, чтобы создать под видом переработки их учебных пособий принципиально новый курс.

Что же предлагал изучать Д. А. Милютин? Основная его идея сводилась к тому, что при описании театра военных действий, а тем более целого государства в военном отношении, необходимо учитывать, «кроме местности, и все те данные, которые в каждом государстве вообще определяют его средства и способы к ведению войны, выгоды и невыгоды географического, *этнографического* и политического положения в отношении к военным соображениям (курсив наш — А. П.)»⁶⁷. Однако анализ всех этих факторов, по мнению Д. А. Милютина, выходил далеко за рамки одной географии, почему и следовало называть разрабатываемую им дисциплину «военной статистикой»⁶⁸. Мы не будем останавливаться на обсуждавшихся им вопросах методологии этой дисциплины, которую он считал не отдельной наукой, но «частью или видом общей статистики»⁶⁹. Для нас важно, что он считал целью военной статистики «исследование в данный момент сил и средств государства в военном отношении»⁷⁰. Он подчеркивал, что в принципе с этим подходом согласны и другие авторы — например, А. Жомини, однако они сводили силы государства в военном отношении к его вооруженным силам (как мы помним, схожее определение военной статистики приводит и К. В. Белов)⁷¹. Однако Д. А. Милютин с данным подходом как раз полемизировал, полагая, что к «военным силам» следует относить все средства, которые государство может использовать для «обеспечения своей внешней безопасности или для достижения силой оружия политических целей», — а следовательно, военная статистика должна рассматривать все те же области, которые рассматривает статистика общая, но анализировать их с военной точки зрения⁷². Речь, в сущности, шла об анализе информации о ресурсах государств во всех областях, которые могли оказать заметное влияние на общую боеспособность этих государств.

Таким образом, элементы этнографии были введены в курс военной географии и статистики, читаемый в Николаевской академии Генерального штаба, не ранее 1845 г. — т. е. когда его начал преподавать Д. А. Милютин. А офицеры, окончившие академию до 1842 г., вообще не имели какой-либо подготовки ни по этнографии, ни по военной статистике, зато в рамках географических курсов им фактически преподавалась стратегия (П. А. Языковым) и топография (Г. Ф. Стефаном). Напротив, Д. А. Милютин совершенно недвусмысленно считал, что военным необходимо изучать этнографические сведения в рамках военной статистики. Какие же кон-

⁶⁷ Милютин Д. А. Первые опыты... Кн. 1. С. 31.

⁶⁸ Там же. С. 32.

⁶⁹ Там же. С. 55.

⁷⁰ Там же. С. 53–54.

⁷¹ Там же. С. 54.

⁷² Там же.

кретно формы этого изучения он предлагал? Чтобы получить ответ на этот вопрос, обратимся к «Первым опытам военной статистики».

Наиболее интересен для нас милютинский очерк о населении Германского Союза. Дело в том, что в этом описании внимание уделено не только практическим, но и теоретико-методологическим вопросам, поскольку Д. А. Милютин считал принципиально невозможным «рассматривать всю Германию как одно целое», анализируя ее народонаселение⁷³. Д. А. Милютин указывал на то, что «почти нельзя было бы назвать это народонаселение одной *нацией* (курсив наш — А. П.)»⁷⁴. Далее Д. А. Милютин признавал, что описываемая им «нация» вообще-то состоит из представителей двух достаточно различных племен, «германского» и «славянского» (при этом никакой детализации, например, упоминаний о составных частях славянского племени, поляках и чехах / богемцах, он не приводит)⁷⁵. Однако этим Д. А. Милютин не ограничивался, подчеркивая, что «дух народный» глубоко различен даже между различными группами немцев, например, «швабами, вестфальцами, австрийцами, саксонцами»⁷⁶. Он приводил стереотипное описание немца как «человека флегматичного, рассудительного, проникнутого идеей справедливости и долга, трудолюбивого, честного, терпеливого — но неподвижного, несколько грубого, неохотно перенимающего чужое, упрямо приверженного предрассудкам и привычкам», — а потом отмечал, что это определение малополезно, поскольку ему не соответствует множество групп немцев⁷⁷.

В результате перед Д. А. Милютиным закономерно вставал вопрос о том, зачем вообще в рамках военной статистики Германского Союза изучать «народный характер и дух»⁷⁸. В современной литературе встречается утверждение, что Д. А. Милютин считал крайне важным в рамках военной статистики «морально-нравственный фактор»⁷⁹, но в действительности его построения были куда сложнее.

Д. А. Милютин подчеркивал, что «в военной статистике вообще должно по возможности избегать таких вопросов, которых решение зависит от беспрестанно изменяющихся данных, от обстоятельств совершенно случайных, временных»⁸⁰. Соответственно, он не считал нужным изучать в рамках военной статистики неопределенные, обусловленные частными обстоятельствами факторы, связанные с народным духом и характером, поскольку эти факторы, в зависимости от изменения обстоятельств, могли бы

⁷³ Милютин Д. А. Первые опыты... Кн. 1. С. 106.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же. С. 107–108.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же. С. 108.

⁷⁹ Белов К. В. Дмитрий Алексеевич Милютин... С. 154.

⁸⁰ Милютин Д. А. Первые опыты... Кн. 1. С. 108–109.

оказать совершенно различное влияние на ход боевых действий. Приводимые Д. А. Милютиним примеры не вполне ясны, но, судя по контексту, он имел в виду отношение народа к конкретным войнам — т. е., в частности, попытки предугадать реакцию немецкого народа в случае будущей войны в условиях, когда не были известны обстоятельства начала этой войны, участвующие в ней стороны и т. п.⁸¹ Однако военная статистика, по его мнению, безусловно должна была изучать те элементы «нравственной статистики» (формулировка Д. А. Милютина), которые оказывали безусловное и долговременное влияние на «дух самих войск», чтобы понимать, «в какой степени правительство в случае войны может полагаться на свои вооруженные силы, равно как и на содействие самого народа»⁸². И для Германского Союза Д. А. Милютин считал «нравственное положение народа» особенно важным по двум причинам: во-первых, потому, что в странах Германского Союза не существовало особой «отдельной касты» военных (так как уже была введена всеобщая воинская повинность) и потому «дух войск имел тождество с духом целого народа»^{*}; во-вторых же, поскольку политически Германия еще была разобщена, военная сила Германского Союза как единого целого, по мнению Д. А. Милютина, определялась именно единством народного духа⁸³. Он остроумно заметил: «...единство армии зависит не от

⁸¹ Милютин Д. А. Первые опыты... Кн. 1. С. 108–109.

⁸² Там же. С. 109.

^{*} Здесь нам представляется уместным пояснить тот факт, что до 1870-х гг. в российском офицерском корпусе было распространено представление, согласно которому армия, основанная на принципе всеобщей воинской повинности, будет ограничено боеспособна именно из-за зависимости от отношения общества к войне. В этом контексте очень показательны прогнозы Н. П. Глиноецкого, сделанные в 1866 г. в связи с началом австро-прусской войны. В этих прогнозах Н. П. Глиноецкий крайне высоко оценивал австрийскую армию как «состоящую из старослужащих солдат», «свыкшихся с трудностями военного ремесла» (*Глиноецкий Н. П. Австрия, ее силы и враги* // Военный сборник. 1866. № 6. С. 290). Напротив, значительную часть прусской армии, комплектуемой по принципу всеобщей воинской повинности, Н. П. Глиноецкий рассматривал как «народное ополчение», в котором «преобладает выражение народного духа», и поэтому рассчитывать на подобные войска в полной мере правительство может только в случае, «когда война возбуждает полное сочувствие в самом народе» (Там же. С. 291). На этом основании Н. П. Глиноецкий доказывал превосходство австрийской армии над прусской, якобы стабильно сильной при обороне собственных земель, которую будет поддерживать весь народ, и очень слабой в наступлении, отрывающем мобилизованных от родных земель (Там же. С. 291–292). Эти прогнозы интересны еще и как пример некорректного применения идей Д. А. Милютина. Н. П. Глиноецкий пытался сделать именно то, от чего Д. А. Милютин предостерегал: вывести некие универсалии, позволяющие всегда понимать отношение народа к грядущим войнам, независимо от меняющихся обстоятельств. Фактически Н. П. Глиноецкий исходил из того, что оборонительная война всегда будет поддержана народом, а наступательная — нет. Как и предсказывал Д. А. Милютин, эта выведенная теоретически и претендующая на универсальность теория, якобы позволявшая предсказывать отношение народа к войнам вообще, продемонстрировала на практике свою несостоятельность.

⁸³ Милютин Д. А. Первые опыты... Кн. 1. С. 109–110.

одного единообразия в одежде, вооружении и тактическом устройстве — оно требует еще и единства нравственного», поскольку только в случае подобного единства контингенты из разных государств смогут в случае войны действовать как единая армия под начальством одного командующего⁸⁴.

Все вышесказанное позволяет нам понять, как именно Д. А. Милютин предлагал интегрировать этнографию в военную статистику. Наиболее важно понимание того факта, что он не считал военную статистику отдельной наукой, и сводил ее роль к отбору и анализу тех фактов общей статистики, которые могут быть интересны для военных. Соответственно, в рамках его представлений явно не могло существовать и некоей «военной этнографии» как отдельной науки — военная статистика должна была только отбирать из материалов этнографии факты, полезные для военных, и анализировать их. В подобном контексте вполне понятно, почему в рамках описания Германского Союза Д. А. Милютина не интересовали, например, теоретические вопросы классификации славян и даже то, какие именно славяне проживают в Германском Союзе, зато действительно значимым оказывался вопрос о том, в какой мере влились славяне в единую «нацию» Германского Союза и будут ли они в случае войны надежной составляющей государства и вооруженных сил. Фактически в рамках подобной логики военный статистик вообще не должен был самостоятельно заниматься классификацией народов, изучением их «народного духа» (разумеется, если это уже сделали профессиональные ученые-гуманитарии) — он должен был только понять, как этот «народный дух» сказывается на военной силе государства.

Как нам представляется, на практике реализовать предложенный Д. А. Милютиным подход было сложно. Основополагающая проблема заключалась в том, что Д. А. Милютин *одновременно* стремился, с одной стороны, к максимальной практикоориентированности и доказательности военной статистики — а, с другой, использовал позднее отвергнутую наукой концепцию «народного характера и духа» (собственно, он сам на примере Германского Союза показал, насколько условны были представления о некоем обобщенном национальном характере немцев). В то же время, ориентируясь на взаимодействие с невоенными науками, Д. А. Милютин едва ли мог уйти от использования данной концепции, в середине XIX в. распространенной в только формирующихся научных представлениях о этнографии⁸⁵.

Более того, сама предлагаемая Милютиным логика изучения этнографических вопросов в военной статистике имела точки пересечения с тем, что в 1840-е гг. представлялось исключительно важным некоторым представителям зарождающейся российской этнографии. Как отмечает М. В. Лескинен, «и Н. А. Надеждин, и П. А. Плетнев (часто именуемые глашатаями

⁸⁴ Милютин Д. А. Первые опыты... Кн. 1. С. 110.

⁸⁵ Лескинен М. В. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. М.: Индрик, 2010. С. 49–50.

уваровской доктрины) вполне разделяли идею о том, что существует явная взаимообусловленность между формой государственного правления, профессиональной принадлежностью и этнокультурной самобытностью»⁸⁶. Итак, Н. А. Надеждин и П. А. Плетнев считали возможным проследить влияние этнокультурной самобытности, т. е. «народного духа», на форму государственного правления — а Д. А. Милютин хотел проследить влияние «народного духа» на военную силу государства.

Д. А. Милютин и сам понимал сложность предлагаемого им способа анализа этнографических сведений. В другом своем военно-статистическом описании, посвященном Пруссии, он уверенно заявлял, что «нравственная сила народа» является важнейшим фактором могущества государства, выступая своеобразным «общим множителем», который следовало бы применить ко всем силам (дословно «материальным средствам») этого государства, — а далее подчеркивал, что эта область статистики относится к числу тех, которые «всега менее подлежат точному исследованию», и зависит от огромного числа разнородных факторов, анализ всей совокупности которых выходит за рамки военной статистики⁸⁷.

Итак, при попытке следовать предложенной Д. А. Милютиным методологии работы с этнографическими сюжетами военный статистик сталкивался с очень непростой задачей. Ему следовало, во-первых, определить (хотя бы и путем обращения к трудам профессиональных ученых-гуманитариев) особенности «народного духа» жителей интересующей территории (причем учитывая тот факт, что, как в случае с Германским Союзом, среди различных групп внутри одной нации могли преобладать различные типы характеров); во-вторых, понять, как этот «народный дух» влияет на военную силу государства; в-третьих, зафиксировать только те случаи этого влияния, которые носили долговременный характер и не зависели от случайных и временных факторов. Другой существенной проблемой, на наш взгляд, оказывалось то, что при использовании предложенной Д. А. Милютиным методологии вообще нельзя было предложить какой бы то ни было универсальной модели этнографического описания региона: ее следовало каждый раз создавать заново, учитывая то, какие особенности «народного духа» оказываются актуальными для военных в конкретном случае и при этом подлежат хотя бы относительно объективному изучению.

Тем не менее выполненные самим Д. А. Милютиным на основе предлагаемой им методологии описания Германского Союза и Пруссии показывают, что предложенный им подход позволял не только осуществлять важное для военных прогнозирование некоторых аспектов потенциальных военных действий, но и, как мы увидим далее, вплотную приблизиться к открытию феномена «политической нации», о существовании которого

⁸⁶ Лескинен М. В. Поляки и финны в российской науке... С. 52.

⁸⁷ Милютин Д. А. Первые опыты военной статистики. Кн. 2. СПб.: Тип. военно-учебных заведений, 1848. С. 94–95.

еще не подозревала российская гуманитарная наука. Таким образом, несхожесть предлагаемых им этнографических описаний государств с принятой в рамках научного дискурса схемой ни в коем случае не должна рассматриваться как некая недоработка или тем более ошибка — Д. А. Милютин совершенно последовательно реализовывал в своем творчестве особую трактовку этнографического описания, отличную от общепринятой.

Так, в его работе о Германском Союзе после уже проанализированной нами части, носящей, по существу, методологический характер, нет ничего даже отдаленно напоминающего этнографическое описание, выполненное в рамках научного дискурса. Д. А. Милютина не интересовала численность населяющих Германский Союз народов (как мы упоминали выше, он даже не раскрыл сюжет о том, какие именно славянские народы входили в Союз), их быт, обычаи, характер и т. п. Вместо этого он попытался дать ответ на ключевой (как он показал) для военных вопрос, связанный с «народным духом» жителей Германского Союза: сможет ли армия Германского Союза в случае войны действовать единым контингентом.

Д. А. Милютин честно признавал, что однозначный ответ дать нельзя. Он перечислял ряд факторов, работавших на единство немецкого народного духа, причем, что представляется нам очень показательным для Д. А. Милютина, с его точки зрения «слияние интересов материальных», например, «улучшение путей сообщения», было более важным фактором единства этого духа, чем любые «направления умов»⁸⁸. Д. А. Милютин полагал, что в будущем именно материальные факторы обеспечат единство «слияния нравственного» германского народа⁸⁹. Как нам представляется, он оказался прав: для окончательного формирования этнических границ на территории Германского Союза принципиальным фактором в конечном счете стало то, как пролегли границы государственные — в частности, отсекая австрийцев, безусловных «немцев» в представлениях эпохи Д. А. Милютина, в отдельное от остальной Германии государство, что, в конечном счете, привело к идентификации австрийцев как отдельного от немцев народа.

В то же время Д. А. Милютин считал, что именно в плане «движения умов» Германия далека от единства, указывая прежде всего на религиозную неоднородность ее населения⁹⁰. И это приводило его к выводу, что именно для Германского Союза ключевыми в случае войны будут два фактора: насколько в самом населяющем его народе присутствует «дух воинственности» и насколько этот народ будет «сочувствовать побуждениям и целям войны»⁹¹. В случае с оценкой первого фактора Д. А. Милютин считал возможным дать однозначный ответ. Опыт 1813 г. свидетельствовал, что германская нация способна воодушевиться и объединиться против единого

⁸⁸ Милютин Д. А. Первые опыты... Кн. 1. С. 111.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же. С. 111–112.

⁹¹ Там же. С. 112.

врага даже в условиях полного отсутствия единых политических институтов (дословно «когда разрушено уже было древнее здание Империи»⁹²). А вот второй фактор, по мнению Д. А. Милютин, зависел от чисто политических нюансов, — от того, будет ли война вестись в защиту «интересов истинно национальных»⁹³. Дав такой ответ на заданный им ключевой вопрос, Д. А. Милютин переходил к описанию политической структуры Германского Союза⁹⁴.

Описание этнографических сюжетов в работе Д. А. Милютин о Пруссии несколько ближе к традиционному научному этнографическому описанию, но в полной мере им тоже не является. Зато как раз попытки анализа населения Пруссии с позиций предложенной им методологии привели Д. А. Милютин к очень интересному и, как нам представляется, опережающему времени выводу. Было бы преувеличением считать, что Д. А. Милютин сформулировал концепцию «политической нации», однако он вплотную приблизился к ней. Прочитируем соответствующее место из его работы полностью: «Народа прусского не существует в ином смысле, как политическом; исключительно от степени административной централизации Прусской монархии зависит и единство самого народа»⁹⁵. Под этим он подразумевал то, что население Пруссии состоит из людей различных племен и религий — но при этом достаточно прочно объединено политически⁹⁶.

Описывая население Пруссии с подобной точки зрения, Д. А. Милютин давал и его этнографическую характеристику, но крайне общую и не подробную, сводящуюся к тому, что 84,4 % жителей составляют немцы, 13,7 % — славяне (без деления на отдельные народы), 1 % — литовцы и 0,07 % — французы⁹⁷. Гораздо больше Милютин интересовало то, что племенные границы в Пруссии не совпадали с границами распространения религий, а на многих территориях жители были перемешаны — что, как считал Д. А. Милютин, «ослабляло то влияние, которое подобное разединение в народе могло бы иметь на политическое единство и силу государства»⁹⁸. Д. А. Милютин подробно описывал ситуацию в «области Познанской» как единственной, где сохранялось «расположение враждебное» между немцами и славянами⁹⁹. Именно для нее он примерно указывал численность немцев (700 000 человек) и славян (600 000–700 000) (напомним, что для других областей Пруссии соотношение этнических групп

⁹² Милютин Д. А. Первые опыты... Кн. 1. С. 113.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же. С. 114.

⁹⁵ Милютин Д. А. Первые опыты... Кн. 2. С. 103.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же. С. 104.

⁹⁸ Там же. С. 105–106.

⁹⁹ Там же. С. 106.

Д. А. Милютин не приводил)¹⁰⁰. Но в целом он приходит к выводу (очень важному в контексте нашего исследования), что на военную силу Пруссии влияли «не различия этнографические или религиозные, не борьба начала славянского с немецким или католического с протестантским, а стремления чисто политические, увлекшие в наше время с такой силой большую часть Европы»¹⁰¹. И снова мы должны признать его правоту: существенных проблем с нелояльностью славянского меньшинства Пруссия в войнах второй половины XIX в. не испытывала.

Таким образом, в двух подготовленных им военно-статистических описаниях конкретных стран Д. А. Милютин при описании этнографических сюжетов использовал одну и ту же схему. Вместо полноценного этнографического описания рассматриваемой территории он ставил ключевой для военных вопрос, связанный с местной этнографией, а затем давал на него аргументированный и в целом подтвердившийся дальнейшей историей ответ. Однако эта схема не только принципиально отличалась от структуры любого принятого в научном дискурсе этнографического описания, но и создавала определенные сложности для других авторов, которые пожелали бы последовать ей, уже потому, что в военно-статистических описаниях самого Д. А. Милютина в каждом конкретном случае ставился уникальный (ключевой для военных) вопрос, сформулированный исходя из этнической ситуации в конкретной стране. Соответственно, пытавшийся следовать схеме Д. А. Милютина автор не мог использовать какой-либо готовый опросник или список этнографических тем, которые обязательно должны были бы быть освещены в военно-статистическом описании, но должен был самостоятельно сформулировать, в каких областях этнография влияет на военную силу конкретного государства.

Как нам представляется, предложенная Д. А. Милютиным методология изучения этнографических вопросов обладала большим потенциалом и могла бы лечь в основу полноценного и теоретически обоснованного этнографического дискурса, отличного от сформировавшегося в среде ученых-гуманитариев. При этом речь не шла о создании некоей особой «военной этнографии» — напротив, как мы видели, Д. А. Милютин не считал ни военную географию, ни военную статистику отдельными дисциплинами, а рассматривал их как части географии и статистики вообще. Однако, с точки зрения Д. А. Милютина, в рамках военной статистики должны были анализироваться не вопросы теоретической этнографии или общих этнографических описаний, а узкоспециальные вопросы о том, какие этнические факторы оказывали долгосрочное и просчитываемое влияние на военные силы государства.

В то же время один из преемников Д. А. Милютина на посту профессора Николаевской академии Генерального штаба, П. О. Щербов-Нефедович,

¹⁰⁰ Милютин Д. А. Первые опыты... Кн. 2. С. 106.

¹⁰¹ Там же. С. 107.

в 1885 г. отмечал, что «ни в русской военной литературе, ни в иностранных, нельзя указать ни на одно печатное сочинение, в котором разрабатывалась бы теория военной статистики с точки зрения Миллютина»¹⁰². Зато, согласно его утверждению, преподавание военной статистики в Николаевской академии Генерального штаба в то время все еще велось на основе взглядов Д. А. Миллютина¹⁰³. Это значит, после того как Д. А. Миллютин отошел от занятий военной статистикой, перейдя к военно-административной деятельности, его теория военной статистики перестала разрабатываться, но продолжала служить опорой для практических исследований российских военных. И понять, насколько реализовывалась именно та ее часть, которая была связана с этнографией, можно только на основе анализа военно-статистических работ офицеров Генерального штаба, начиная с 1850-х гг., однако подобный анализ этого материала, очевидно, выходит за пределы нашей статьи. Нам же осталось сделать вывод, что в Николаевской академии Генерального штаба в XIX в. действительно были созданы наработки, на теоретическом уровне *требовавшие* трактовать в военно-статистических описаниях этнографические сюжеты иначе, чем это было принято в гуманитарном дискурсе той эпохи. Однако это произошло только во второй половине 1840-х гг., а до этого выпускники академии не получали вообще никакой этнографической подготовки. И здесь нам представляется уместным вернуться к общей оценке деятельности Николаевской академии Генерального штаба, предложенной Дж. Стейнбергом (напомним, этот исследователь считает, что преподавание в академии было недостаточно привязано к практике). Как мы убедились, преподавание в академии военной географии и военной статистики в целом подтверждает эту оценку. Полноценный, теоретически обоснованный и практически ориентированный курс военной статистики, включавший элементы этнографии, появился в Николаевской академии Генерального штаба исключительно благодаря деятельности одного человека, Д. А. Миллютина — а преподававшиеся до него курсы военной географии ограничивались географией физической, игнорируя потенциально практически важные для офицера генерального штаба вопросы не только этнографии, но и политической и экономической географии.

Источники

Глиноецкий Н. П. Австрия, ее силы и враги // Военный сборник. 1866. № 6. С. 257–292.

Глиноецкий Н. П. Исторический очерк Николаевской академии генерального штаба. СПб.: Тип. Штаба войск Гвардии и Петерб. воен. окр., 1882.

¹⁰² Михайлов А. А. Военная география... С. 36.

¹⁰³ Там же.

- Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексе-
евича Милютина. 1843–1856. М.: Редакция альманаха «Российский архив»,
2000.
- Милютин Д. А. Первые опыты военной статистики. Кн. 1. СПб.: Тип. военно-учеб-
ных заведений, 1847.
- Милютин Д. А. Первые опыты военной статистики. Кн. 2. СПб.: Тип. военно-учеб-
ных заведений, 1848.
- Чернышевский Н. Г. Материалы для географии и статистики России, собранные
офицерами Генерального штаба. Рязанская губерния. Составил М. Баранович.
СПб. 1860 г. // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений. В 15 т. Т. VII.
Статьи и рецензии 1860–1861. М.: Гослитиздат, 1950. С. 491–503.
- Языков П. А. Опыт теории военной географии, с приложением к избранию пунк-
тов, для сооружения крепостей предназначенных. Ч. 1. Изложение теории.
СПб.: Типография А. Воейкова и К°, 1838.

Литература

- Белов К. В. Дмитрий Алексеевич Милютин — один из основателей российской
военной статистики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Се-
рия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24. Вып. 2. С. 152–158.
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-152-158>
- Лейман И. И. Военно-статистическое обозрение Российской империи как источ-
ник изучения состояния путей сообщения и торговли на Европейском Се-
вере России в середине XIX в. // Историческая демография. 2018. № 2 (22).
С. 71–75.
- Лейман И. И. К вопросу об истории создания Военно-статистического обозре-
ния Российской Империи // Жизнедеятельность человека на Севере: история,
историография и источники исследования (на материалах Республики Коми):
сб. статей / под ред. А. А. Попова. Сыктывкар: КРАГСиУ, 2019. С. 25–40.
- Лескинен М. В. Визуальные репрезентации русскости в Российской империи вто-
рой половины XIX — начала XX в.: в 2 кн. Кн. 1: Облики — обличья — обла-
чения. М.: Кучково поле Музеон, 2024.
- Лескинен М. В. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.:
«другой» сквозь призму идентичности. М.: Индрик, 2010.
- Михайлов А. А. «Честь первого опыта преподавания столь важной науки, без со-
мнения, принадлежит Императорской военной академии»: становление воен-
ной географии и военной статистики в России в первой половине XIX века //
Военно-исторический журнал. 2019. № 11. С. 31–38.
- Михайлов А. А. Военная география и военная статистика в отечественной военной
науке: историографический аспект // Военная география и военная статистика:
история и современность / сост.: Н. Ю. Бринюк, Э. Л. Коршунов, А. А. Михай-
лов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. С. 9–50.
- Михайлов А. А. Военно-научные взгляды П. А. Языкова (1800–1869), его вклад
в развитие военной географии и стратегии // Война и оружие. Новые исследова-
ния и материалы. Труды Девятой Международной научно-практической конфе-
ренции. Ч. 2 / под ред. С. В. Ефимова. СПб.: ВИМАИВиВС, 2019. С. 113–124.

Стейнберг Дж. Военные традиции и армейская реформа (1856–1904): неудачная попытка спасти Российскую империю // Величие и язвы Российской империи: Международный научный сборник к 50-летию О. Р. Айрапетова / сост. В. Б. Каширин. М.: Издательский дом «Регнум», 2012. С. 201–237.

Токарев С. А. История русской этнографии. М.: Институт русской цивилизации, 2015.

Van Dyke C. Russian Imperial Military Doctrine and Education, 1832–1914. Westport: CT, 1990.

References

Belov, K. V., 2024. Dmitrii Alekseevich Miliutin – one of the founders of the Russian military statistics. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 152–158. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-152-158>. (In Russian)

Leskinen, M. V., 2010. *Poles and Finns in the Russian science of the second half of 19th century: «different» through the prism of identity*. Moscow: Indrik. (In Russian)

Leskinen, M. V., 2024. *Visual interpretations of Russianness in the second half of the 19th century – early 20th century Russian Empire: in 2 books. Book 1: Appearances – guises – vestments*. Moscow: Kuchkovo pole Muzeon. (In Russian)

Leyman, I. I., 2018. Military Statistical Survey of the Russian Empire as a source of study of the state of the roads of communication and trade in the European North of Russia in the middle of the 19th century. *Historical demography*, 2 (22), pp. 71–75. (In Russian)

Leyman, I. I., 2019. *On the issue of the history of making of the Military Statistical Survey of the Russian Empire*. In: A. A. Popov, ed., 2019. *Human life activity in the North: history, historiography and research sources (on the Komi Republic materials): coll. of articles*. Syktyvkar: KRAGSiU, pp. 25–40. (In Russian)

Mikhailov, A. A., 2018. *Military geography and military statistics in Russian military science: historiographical aspect*. In: N. Iu. Briniuk, E. L. Korshunov, A. A. Mikhailov, comp., 2018. *Military geography and military statistics: history and modernity*. Saint-Petersburg: Dmitrii Bulanin, pp. 9–50. (In Russian)

Mikhailov, A. A., 2019. «The honor of pioneering instruction in so important a science doubtlessly goes to the Imperial Military Academy». The establishment of military geography and military statistics in Russia in the first half of the 19th century. *Voенно-istoricheskii zhurnal*, 11, pp. 31–38. (In Russian)

Mikhailov, A. A., 2019. *Military and scientific views of P. A. Iazykov (1800–1869), his contribution in development of military geography and strategy*. In: S. V. Efimov, ed., 2019. *War and arms. New researches and materials. The works of the Ninth International Scientific and Practical Conference. Pt. 2*. Saint-Petersburg: VIMAIViVS. pp. 113–124. (In Russian)

Steinberg, Dzh., 2012. *Military Traditions and Army Reform (1856–1904): A Failed Attempt to Save the Russian Empire*. In: V. B. Kashirin, comp., 2012. *The Greatness and Sores of the Russian Empire: International Scientific Collection for*

the 50th Anniversary of O. R. Airapetov. Moscow: Izdatel'skii dom «Regnum», pp. 201–237. (In Russian)

Tokarev, S. A., 2015. *History of Russian ethnography*. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii. (In Russian)

Van Dyke, C., 1990. *Russian Imperial Military Doctrine and Education, 1832–1914*. Westport: CT.